

УДК: 261.6+7.046.1

DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-4

Кислин К. Б.

**Мотив превращения человека в животное
в средневековых комментариях на «Метаморфозы» Овидия**

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
Петербургское шоссе, д. 2, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196601, Россия;
kislin_k_rel@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается мотив превращения человека в животное в средневековых комментариях на «Метаморфозы» Овидия. Актуальность исследования обусловлена интересом к теме репрезентации образов животных в европейской культуре Средневековья, а также связана с необходимостью углубленного изучения мифографической традиции, которая является важной частью средневековой рецепции античности в целом. Новизну и оригинальность исследования составляет анализ комментариев в работах мифографов на сюжеты античной мифологии с целью уточнения специфики морального переосмысления бестиарных образов. Для достижения поставленной цели были проанализированы комментарии на мифологические сюжеты о превращении спутников Улисса в свиней, Ликаона в волка, Ио в телицу, Каллисто в медведицу и другие. Делается вывод о том, что средневековые комментаторы «Метаморфоз» связывали мотив превращения человека в животное, с одной стороны, с искажением образа Божьего вследствие совершения греха, с другой стороны, с нравственной деградацией персонажа, результатом которого становилась утрата человеческого облика.

Ключевые слова: средневековая рецепция античной мифологии; мифографическая традиция; Пётр Берхорий; «Морализованный Овидий»; бестиализация; метаморфозы; морализация

Для цитирования: Кислин, К. Б. (2025), «Мотив превращения человека в животное в средневековых комментариях на “Метаморфозы” Овидия», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 11 (3), 44-52, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-4

K. B. Kislin

**The Motif of Human Transformation into an Animal
in Medieval Commentaries on Ovid's “Metamorphoses”**

St. Petersburg State Agrarian University,
2 Peterburgskoe Rd., St. Petersburg, Pushkin, 196601, Russia; *kislin_k_rel@mail.ru*

Abstract. The article examines the motif of transformation from human to animal in medieval commentaries on Ovid's «Metamorphoses». The relevance of this study is due to an interest in the representation of animal images in European Medieval culture and the need for a deeper understanding of mythographic tradition, which forms an important part of the overall reception of antiquity during the Middle Ages. The novelty of the approach lies in analyzing those parts of commentary that contain elements of bestialization within stories drawn from ancient mythology. The aim of

the research is to identify specific features of moral reinterpretation applied by mythographers to bestiary-like characters. To achieve this goal, we have analyzed commentaries dealing with such well-known myths as the transformation of Ulysses' companions into pigs, Lycaon into a wolf, Io into a heifer, Callisto into a bear, among others. The conclusion is drawn that medieval commentators of “Metamorphoses” associated the theme of transformation into animals both with distortion of God's image resulting from sinning and with the moral degradation of characters leading ultimately to loss of their humanity.

Keywords: medieval reception of ancient mythology; mythographic tradition; Petrus Berchorius; “The Moralized Ovid”; bestialization; metamorphosis; moralization

For citation: Kislin, K. B. (2025), “The Motif of Human Transformation into an Animal in Medieval Commentaries on Ovid's ‘Metamorphoses’”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 11 (3), 44-52, DOI: 10.18413/2408-932X-2025-11-3-0-4

Тема средневековой репрезентации образов животных пользуется определенным интересом среди исследователей и зачастую рассматривается ими в общем контексте символического восприятия bestiaryных мотивов в европейской культуре. Е.В. Лозинская в статье, посвященной специфике отображения животных в литературе, говорит о том, что образы птиц и зверей обладают некими устойчивыми значениями, что можно видеть на примере средневековых bestiaries (Лозинская, 2023: 29). Ортиц-Раблес в своей монографии предпринимает попытку концептуализации образов животных, выделяя для определенных семейств соответствующие им «качества»: для лошадиных – силу и верность, для кошачьих – загадочность, псовым свойственны партнерство, хитрость (лисы) и т. п. (Ortiz Robles, 2016). М.Ф. Надъярных, исследуя в своей интересной статье образ Химеры, делает вывод о том, что химерическое ассоциируется в том числе с «парадигмой бесформенного (хаотического) или сформированного из неподобных элементов, с отсутствием единства, с уродливым, иллюзорным, обманным, безумным» (Надъярных, 2015: 85). Связанной с животными метафорике в сочинениях куртуазных поэтов средневековья уделяет внимание Е.В. Дубовая во второй главе своей монографии (Дубовая, 2016).

Особое значение для исследователей имеет репрезентация bestiaryных образов в контексте средневекового символизма. Подчеркивается, что средневековые авторы часто используют образ животного в дидактических целях, в качестве примера и морального наставления. Е.В. Казакова, исследуя анималистические образы в средневековых bestiaries, пишет, что «зверь... в Средние века становится феноменом не просто природным, но и культурным. <...> Для лучшего понимания доносимого смысла образы животных наделяются эмоциональными и личностными качествами человека» (Казакова, 2015: 94). Ряд примеров приводит Д.А. Зеленин в статье о средневековой эмблематике. Так, несущие кони могут быть метафорой страстей, ведущих человека к гибели (Зеленин, 2015: 42).

Стоит подробнее остановиться на статье О.В. Субботиной, в которой показывается связь греха гордыни с «образами льва, коня и павлина. Интересно обратить внимание на образ хромой лошади как метафорическое изображение неустойчивости, свойственной дьяволу, который, будучи гордецом, пошел против воли Бога» (Субботина, 2015: 33-34). Это качество дьявола подчеркивал Исидор Севильский в «Этимологиях» (VIII, 19), называя его “transgressor”, “because as a complete prevaricator, he did not continue in the truth in which he was created” (Isidore of Seville, 2006: 184). О.В. Субботина упоминает еще два интересных образа, подтверждающих наличие связи между свойством неустойчивости и грехом в средневековой иконографии: образ колеса Фортуны (Субботина, 2015: 34) и Фрау Вельт – персонификацию

всех пороков в немецком фольклоре. На одной из миниатюр XV в. она изображена имеющей одну птичью ногу, а другую – змеиную, кусающую первую (там же: 35-36). Забегая немного вперед, упомяну об аллегорической трактовке фигуры бога плодов Вертумна, само имя которого (от глагола “*vertere*”) намекает на способность менять облик (и неспособность долго оставаться в одном состоянии). С ним связана история соблазнения нимфы Помоны, к которой он явился в виде старухи-сводницы, уговорами внушив ей любовь к себе. В пособии для проповедников бенедиктинского монаха XIV в. Петра Берхория «Морализованный Овидий» (о котором речь пойдет дальше) Вертумн сравнивается с дьяволом; обращаясь к своему адресату, предполагаемому священнику, Берхорий пишет: “*Speak about the devil, who knows how to cloak himself in diverse forms and transform himself under various temptations and disguises to deceive people*” (Bersuire, 2023: 707). К слову, хромота Вулкана также связывается Берхорием с его нравственным несовершенством и трактуется как «уродство похоти» (там же: 281). Таким образом, сама идея неустойчивости или трансформации получает негативную оценку у средневековых авторов.

Это особенно ярко проявляется, когда речь идет о моральном переосмыслении сюжетов, связанных с превращением человека в животное. Л. Баркан отводит этой теме значительное место в своей монографии, в которой анализируется восприятие метаморфоз от Античности до Ренессанса. Он пишет, что идея множественности и непостоянства языческих богов ассоциировалась у раннехристианских авторов (таких как Лактанций, Амвросий Медиоланский, Августин) с аморальным поведением, поскольку противоречила иудео-христианскому представлению о том, что человек был сотворен по образу и подобию Божьему (Barkan, 1986: 96-97). Он обращает внимание на высказывание Амвросия: “*Those made after the likeness and image of God cannot be changed into the forms of beasts!*” (цит. по: Barkan, 1986: 97). Лактанций также сетовал на то, что лучше бы Геркулес одолел своего «внутреннего зверя», то есть обуздал скрытую в нем самую дикую ярость, чем поборол Немейского льва (там же: 110). Уже в XII в. видный представитель Шартрской школы Иоанн Солсберийский в сочинении «Поликратик» писал следующее: “*As the rational creature becomes brutish, so the image of the Creator by analogy is deformed into the beastly*” (цит. по: Barkan, 1986: 127). Таким образом, христианские авторы заявляли о наличии связи между внешним обликом человека и его внутренними нравственными качествами. Утрата человеком своего человеческого достоинства вследствие совершения греха чревата потерей и благопристойного внешнего вида, может привести его к окончательной деградации до звериного состояния.

Феномен бестиализации рассматривается в одном из кратких приложений крайне полезного словаря аллегорических интерпретаций сюжетов античной мифологии Д. Брамбла. Автор подчеркивает, что идея отображения внутреннего состояния персонажа через его внешний облик берет начало задолго до христианской эры, приводя в пример звероподобных Эриний у Эсхила и ветхозаветного косматого Исава (Bramble, 1998: 363). Он констатирует наличие определенной традиции в западной литературе и искусстве: “*Morally upright people are beautiful people; morally degenerate people are ugly-beastial. The outward form mirrors the inward spiritual state*” (там же: 364).

Обширный материал для изучения образов животных в средневековой культуре предоставляет традиция морального комментария на «Метаморфозы». Особый интерес вызывают трактовки сюжетов, связанных с метаморфозой человека в животное, где *животное* и *человеческое* не просто сравниваются между собой метафорически, но как бы образует единый феномен. Гениальное творение Овидия содержит достаточное количество примеров таких превращений: царя Ликаона в волка, спутников Улисса в свиней, несчастной Ио в телицу, Каллисто – в медведицу, Гиппомена и Аталанты (уже после их знаменитой гонки) – во львов и так далее. Все эти сюжеты имеют богатую историю интерпретации в сочинениях так называемых *мифографов*, пытавшихся примирить литературное наследие классической древности с новым типом культуры.

Исследование мифографической традиции важно хотя бы потому, что, как подчеркивает Дж. Чэнс, средневековые авторы, обучавшиеся грамматике в Шартре, Орлеане или Париже, знакомы с творениями латинских поэтов не напрямую, а через разного рода пособия, которые содержали не только грамматические пояснения, но и учили видеть в баснях (*fabulae*) о языческих богах христианские смыслы (Chance, 1990: 5). В XII в. в школьный канон сочинений, рекомендованных для изучения грамматики, был включен Овидий, в том числе его «Метаморфозы», что оказало огромное влияние на культурную жизнь Европы того времени и последующих столетий. Благодаря комментариям христианских авторов, обогащенный моральным содержанием античный миф стал достоянием европейской цивилизации. Несмотря на важность изучения комментариев на Овидия для понимания средневековой рецепции античной мифологии в целом, сложно не согласиться с Дж. Фьюмо в том, что на данный момент наше представление о предмете все еще остается «рудиментарным» (Fumo, 2014: 116). Один из самых авторитетных специалистов по мифографической традиции Ф. Кулсон писал в 2007 г., что сложность ее изучения связана с труднодоступностью и недостаточной изученностью самих манускриптов, а также с отсутствием современных критических изданий этих текстов (Coulson, 2007: 153). В 2015 г. он подготовил перевод так называемой «Овидиевой Вульгаты» – анонимного школьного комментария на «Метаморфозы» середины XIII века (Coulson, 2015). А в 2023 г. под его редакцией вышло в свет издание латинского текста трактата Петра Берхория «Морализованный Овидий» с параллельным переводом (Bersuire, 2023). Сочинения других важнейших латинских комментаторов Овидия – Арнульфа Орлеанского (Ghisalberti, 1932), Иоанна де Гарландия (Giovanni di Garlandia, 1933), Джованни дель Вирджилио (Ghisalberti, 1933) – изучаются в основном по изданиям итальянского филолога Ф. Гизальберти первой половины 30-х гг. XX века.

Поскольку никаких античных комментариев на Овидия не сохранилось (Кнох, 2009: 358), началом овидианской рецепции считается XII век, а первым известным комментарием на его произведения – труды грамматика из Орлеана Арнульфа¹. Значимым источником является его введение к «Метаморфозам», в котором необходимость знакомства с поэмой объясняется скрытым в ней христианским смыслом. Арнульф объясняет цель (*intentio*), которую ставил перед собой поэт: “Ovid’s intention ... is to speak of transformation, so that we may be aware not only of external transformation which takes place in corporeal things be they good or bad, but also of internal transformation in the soul, so that he might lead us back from error to a recognition of the true Creator” (цит. по.: (Coulson, 2007: 48)). Со второй половины XIII в. грамматический комментарий постепенно уступает место морализации. Это связано с влиянием IV Латеранского собора 1215 г., на котором был провозглашен курс на активизацию проповеди, и с появлением нищенствующих орденов. Важным сочинением XIII в. является дидактическая поэма Иоанна де Гарландия «Покровы Овидия» (“*Integumenta Ovidii*”), само название которой говорит о намерении автора рассказать о тайных смыслах литературного наследия великого римлянина.

Специалисты единогласно сходятся во мнении, что итогом и кульминацией рецепции Овидия в Средние века являются анонимная поэма на старофранцузском языке «Морализованный Овидий» (“*Ovide moralisé*”) и уже упоминавшийся трактат Берхория с тем же названием (Dimmick, 2003: 279; Gillespie, 2005: 193; Кнох, 2009: 332-333). Оба сочинения были написаны в первой половине XIV в., при этом Берхорий использовал поэму как источник при составлении поздних редакций своего труда. Интересно, что анонимный автор приводит те же доводы в «защиту» Овидия, что и Арнульф: “Unless Scripture is lying to me, all was intended for our instruction, everything that is written in books, whether they were written well or badly” (цит. по.: (Gillespie, 2005: 200)). «Морализованный Овидий» Берхория имеет особое

¹ Про первенство Арнульфа см.: (McKinley, 1996: 119; Dimmick, 2003: 278).

значение для изучения овидианской рецепции, поскольку, как замечает Дж. Фьюмо, трактат впитал в себя все многообразие предшествующего опыта (Fumo, 2014: 83). За неимением возможности подробнее остановиться на истории средневековой мифографической традиции, отсылаю интересующихся к своей статье (Кислин, 2022). Необходимость настоящей работы продиктована в том числе потребностью перехода от описания сочинений мифографов к системному анализу содержащихся в них идей и образов.

Пожалуй, самую продолжительную историю интерпретации среди бестиарных сюжетов имеет миф о превращении спутников Улисса в свиней, описанный уже в «Одиссее» Гомера. Возвращаясь на Итаку после долгих странствий, победитель троянцев со своей командой остановился на острове, которым правила прекрасная колдунья Цирцея. Она приветливо встретила товарищей и угостила их волшебным напитком, после которого они стали терять человеческий облик, пока совсем его не утратили (сохранился только разум). Одиссей, известный своей хитростью, смог избежать такой печальной участи. Он очаровал Цирцею, и она согласилась вернуть его команде прежний вид. Рецепция сюжета восходит к «Утешению философией» Боэция (III, 4), который приводит его в пример, рассуждая о связи бытия и блага: «Уклоняющееся от блага перестает существовать, поэтому злые люди перестают быть теми, кем были прежде. <...> Отвергших условие человеческого существования порочность, по справедливости, столкнет ниже человеческого рода. Следовательно, обезображенного пороками, как ты видишь, нельзя считать человеком» (Боэций, 2020: 164-165). Примерно век спустя, ссылаясь на миф о Цирцее, мысль Боэция повторяет Исидор Севильский в небольшой главе «Этимологий» о трансформациях (XI, 4): “With regard to many types of crimes, the appearance of the miscreants is changed and they wholly metamorphose into wild animals” (Isidore of Seville, 2006: 246). Традицию продолжает Арнульф Орлеанский, соотнося определенное животное с конкретным грехом: “...the wrathful becoming lions; the unclean becoming swine; the envious becoming stags” (цит. по: (Barkan, 1986: 127)). Берхорий предлагает специфически христианскую интерпретацию этого сюжета: “Say that Circe is the devil whose potion is the prosperity of the world or the drunkenness of pleasure, or the pleasure of evil desires. Those who drink of these things become pigs” (Bersuire, 2023: 681).

Стоит отметить, что в соответствии с экзегетическим принципом, известным со времен Августина (Copeland, Struck, 2010: 4-5), извлекаемый из текста смысл может быть историческим (в духе эвгемеризма), моральным (отсылающим к стереотипам повседневности), аллегорическим (относящимся к богословию) и анагогическим (эсхатологическим). В последнем случае у Берхория имела место аллегорическая трактовка, воспроизводящая события Священной истории и касающаяся внутренней жизни христианской души, искушаемой дьяволом. Речь здесь идет не просто об утрате внешнего облика вследствие совершения человеком аморальных действий – само спасение человека, извратившего душу до звериного состояния, может быть поставлено под угрозу. Христианских авторов (о чем заявлял еще Арнульф) интересуют не только внешние, но и внутренние трансформации. Типичный пример – миф о похищении Ио. Ревнивая Юнона поместила прекрасную девушку Ио, превращенную в корову, в сад, охраняемый многоглазым великаном Аргусом. Только хитроумному Меркурию удалось усыпить бдительность стража и вернуть пленницу, которой был возвращен женский облик (см. рис. 1). Л. Баркан утверждает, что Арнульф видел в этой истории драму падения и искупления человеческой души (Barkan, 1986: 129). Берхорий пишет, что под Аргусом следует понимать дьявола, который держит душу в плену греха, а под Меркурием – Иисуса Христа, спасающего ее и возвращающего на путь добродетельной жизни; он комментирует обратную трансформацию Ио следующим образом: “...at length he transformed her from a cow into a woman, that is, from a sinner to a just woman” (Bersuire, 2023: 157). Каллисто – еще одна девушка, пострадавшая от мести Юноны, – была превращена в медведицу. Берхорий пишет, что так происходит всякий раз, когда человек вступает в порочную связь с дьяволом (там же: 193).

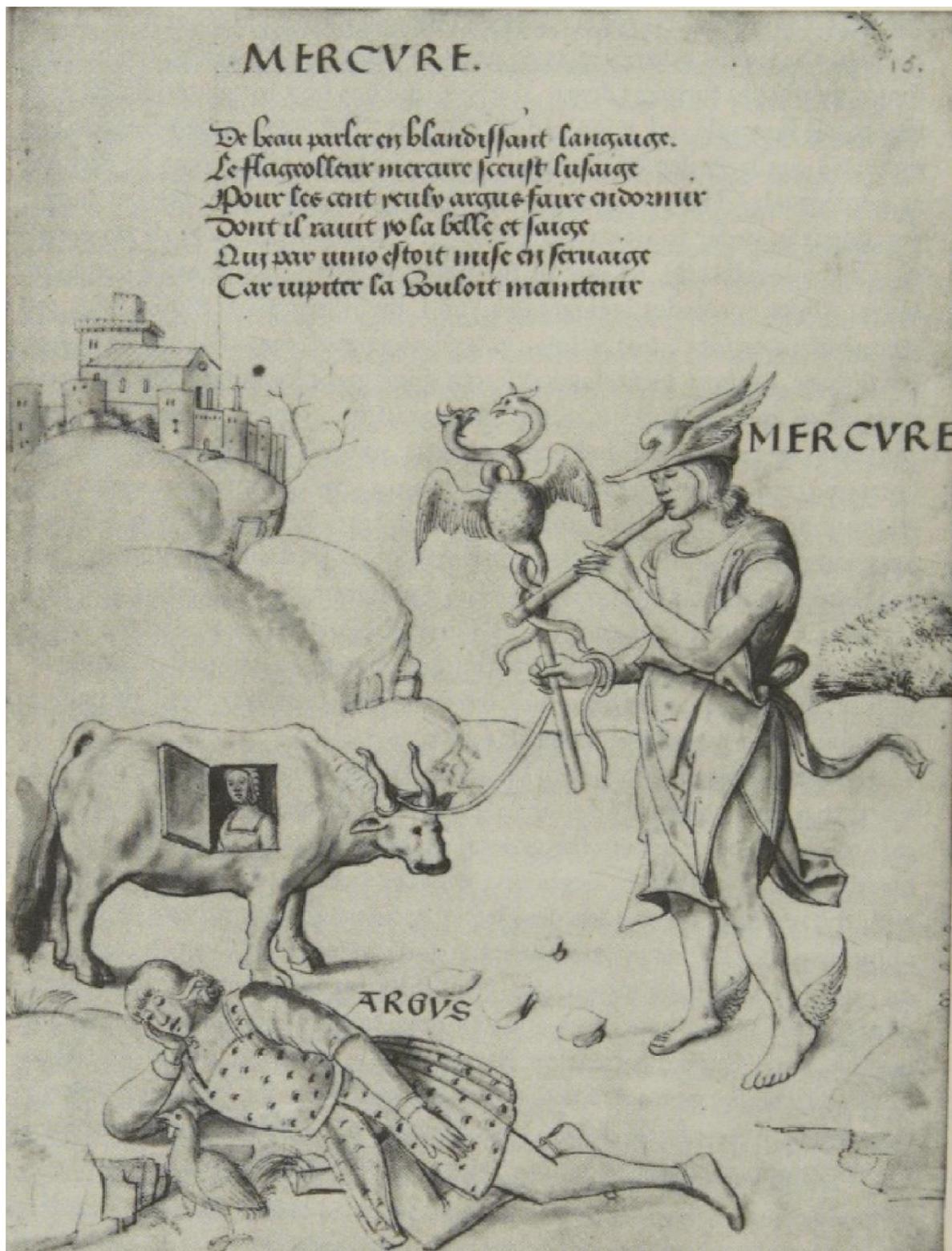

Рис. 1. Похищение Ио у Аргуса. Миниатюра в издании поэмы «Ovide moralisé» (1 пол. XIV в.). Paris, Bibliothèque de l’Arsenal, ms. fr. 5066, fol. 15r.²

Fig. 1. The abduction of Io from Argus. Miniature in the edition of the poem “Ovide moralisé” (1st half of the 14th century). Paris, Bibliothèque de l’Arsenal, ms. fr. 5066, fol. 15r.²

² Скриншот из книги Chance, Jane (1945), *Medieval mythography*, p. 154: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive, URL: <https://archive.org/details/medievalmythogra0000chan/mode/2up?view=theater>

Элемент бестиализации присутствует в мифе о Гиппомене и Аталанте. Непревзойденная в беге, девушка согласилась отдать руку и сердце лишь тому, кто победит ее в честном состязании. Гиппомен был не так хорош, но ему удалось прийти первым благодаря яблокам Гесперид, которые он бросал под ноги своей сопернице, а также благодаря тем амбивалентным чувствам, которые он в ней вызвал (Овидий мастерски передает, как она хотела одновременно и победить, и сдаться). Позже влюбленные были превращены во львов за неподобающее поведение в святилище Кибелы. Автор поэмы «Морализованный Овидий» аллегорически трактует фигуры Гиппомена и Аталанты как грешников, отвергших Христа (McKinley, 1996: 135). Берхорий добавляет, что золотые яблоки Гесперид – это те блага мира (а именно: чувственные удовольствия, богатства и почести), которыми дьявол совращает человека с праведного пути (Bersuire, 2023: 603).

В моральных интерпретациях бестиарных сюжетов превращение героя в животное связывается с тем или иным нравственным проступком, а внешняя форма раскрывает внутреннее содержание. Так, жестокий царь Аркадии Ликаон был превращен в волка за то, что хотел убить гостившего у него Юпитера. Иоанн де Гарландия констатирует в поэме «Покровы Овидия»: “If Lycaon is a wolf, he is a wolf by reason of his wolvish ferocity. For you can be a wolf by having the qualities of a wolf” (цит. по: (Barkan, 1986: 310)). В трактате «Морализованный Овидий» Ликаон символизирует жестоких правителей и сильных мира сего, которые притесняют своих поданных. Они подобны волкам, поскольку имеют волчий разум (Bersuire, 2023: 133). Другой пример моральной интерпретации – миф об Окироне. Когда ее отец Хирон принес в дом младенца Асклепия, девушка, обладавшая даром пророчества, принялась предсказывать его судьбу. За свою болтливость она была превращена разгневанными богами в кобылицу. Берхорий говорит о девушках, которые вначале были целомудренными, помнили о Страшном суде и заботились о спасении души, но потом развратились и сделали строптивыми и капризными, любопытными и напоминающими лошадей своей несдержанной речью (Bersuire, 2023: 215).

Печальная судьба некоторых персонажей служила предостережением против греха гордыни. Д. Брамбл перечисляет в этом ряду фигуры Ниобы, Прометейя, Фазтона, Икара, Марсия, Арахны и Пиерид (Bramble, 1998: 210). Последние два мифа связаны с метаморфозой человека в иных живых существ. Арахна соревновалась с Палладой в искусстве ткачества, за что была превращена в паучиху. Дочери Пиера, в свою очередь, осмелились вызвать муз на состязание в красноречии. Когда их поражение стало явным, они перевоплотились в сорок. Берхорий ожидаемо утверждает, что Пиериды подобны излишне болтливым людям, которые не стесняются вести спор с более мудрыми; они не перестают спорить даже тогда, когда их невежество становится всем очевидным, поэтому походят на сорок (Bersuire, 2023: 337). Бестиарный элемент присутствует и в мифе о споре Марсия и Аполлона. Незадачливый сатир, мастерски владевший флейтой, вздумал соревноваться с великим кифаредом в искусстве музицировать. Умение Марсия пришлось по душе царю Мидасу, за что олимпийский бог «наградил» его ослиными ушами. Совет Берхория следующий: “Apply these things against those uncouth and bestial men who approve more of the song of a villein like Pan than of a citizen of heaven like Apollo” (Bersuire, 2023: 611).

Справедливости ради стоит отметить, что образ животного не всегда воспринимался в негативном ключе. Например, Коронида, которой Паллада помогла избежать насилия со стороны Нептуна, обратив ее в ворону, символизирует монаха, сумевшего избежать искушений дьявола, буквально облачившись в черные одежды (Bersuire, 2023: 205). Однако в подавляющем большинстве случаев приобретение героем звериных черт объяснялось именно его склонностью ко злу.

Рассмотренный материал позволяет прийти к выводу о том, что средневековые комментаторы «Метаморфоз» Овидия оценивали мотив превращения человека в животное с нравственной и духовной точек зрения. С одной стороны, бестиарные сюжеты служили

иллюстрацией аморального поведения, отражавшегося на внешнем облике персонажа. С другой стороны, христианских мифографов интересовала и внутренняя деградация человеческой души до звериного состояния, утрата человечности как таковой, приводящая к вечному осуждению. На такое восприятие оказало влияние богословское представление о человеке как образе Божьем. Сочинения мифографов являются важным источником для изучения средневековой рецепции античных мифов, в том числе связанных с бестиарной образностью. Исследование мифографической традиции должно быть продолжено.

Литература References

Боэций (2020), *Утешение философией*, пер. Уколовой, В. И., Цейтлина, М., вступит. ст. Маркова, А. В., примеч. Уколовой, В. И., РИПОЛ классик, Москва.

Boethius (2020), *Utesheniye filosofiy* [The Consolation of Philosophy], Transl. from Latin by Ukolova, V. I. and Ceytlin, M., intr. art. by Markov, A. V., notes by Ukolova, V. I., RIPOL-classic, Moscow, Russia (in Russ.).

Дубовая, Е. В. (2016), *В кругу бестиарных образов*, ФЛИНТА, Москва.

Dubovaya, E. V. (2016), *V krugu bestiarnykh obrazov* [In the Circle of Bestial Images], FLINTA, Moscow, Russia (in Russ.).

Зеленин, Д. А. (2015), «Риторические стратегии совмещения человеческого и звериного в эмблематике», *Бестиарный код культуры: Сб. статей*, под ред. Довгий, О. Л., Intrada, Москва, 40-48.

Zelenin, D. A. (2015), "The rhetorical Techniques of combining human and animal in Emblematics", in: Dovgy, O. L. (ed.), *Bestiarnyy kod kul'tury: Sbornik statey* [Bestiary and Cultural Code: Collection of articles], Intrada, Moscow, Russia, 40-48 (in Russ.).

Казакова, Е. В. (2015), «Анималистические персонажи Средневековья во французском литературном сознании XX века (бестиарии и "Роман о Лисе" Мориса Женевуа)», *Бестиарный код культуры: Сб. статей*, под ред. Довгий, О. Л., Intrada, Москва, 94-100.

Kazakova, E. V. (2015), "Animalistic Characters in Medieval French Literary Minds of the twentieth Century (the Bestiaries and 'Roman de Renart' by Maurice Génèveux)", in: Dovgy, O. L. (ed.), *Bestiarnyy kod kul'tury: Sbornik statey* [Bestiary and Cultural Code: Collection of articles], Intrada, Moscow, Russia, 94-100 (in Russ.).

Кислин, К. Б. (2022), «Средневековая рецепция античной мифологии: опыт систематизации», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 8 (4), 35-47, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-4

Kislin, K. B. (2022), "The Medieval Reception of Ancient Mythology: the Experience of Systematization", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (4), 35-47 (in Russ.), DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-4

Лозинская, Е. В. (2023), «Животные в литературе: формы присутствия и функции», *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение*, 3, 27-45, DOI: 10.31249/lit/2023.03.02

Lozinskaya, E. V. (2023), "Animals in Literature: Forms of Presence and Functions", *Social Sciences and Humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, 3, 27-45 (in Russ.), DOI: 10.31249/lit/2023.03.02

Надъярных, М. Ф. (2015), «Мифология метаморфизма, или Следы химеры в современных вымыслах», *Бестиарный код культуры: Сб. статей*, под ред. Довгий, О. Л., Intrada, Москва, 78-93.

Nadyarnykh, M. F. (2015), "Mythology of Terratomorf, or Traces of chimeras in modern fiction", in: Dovgy, O. L. (ed.), *Bestiarnyy kod kul'tury: Sbornik statey* [Bestiary and Cultural Code: Collection of articles], Intrada, Moscow, Russia, 78-93 (in Russ.).

Субботина, О. В. (2015), «Визуализация греха в европейских первопечатных книгах: истоки и развитие бестиарных образов гордыни», *Бестиарный код культуры: Сб. статей*, под ред. Довгий, О. Л., Intrada, Москва, 30-39.

Subbotina, O. V. (2015), "Visualization of the Sin in Engravings of the European Incunabula: sources and development of animal images of the Pride", in: Dovgy, O. L. (ed.), *Bestiarnyy kod kul'tury: Sbornik statey* [Bestiary and Cultural Code: Collection of articles], Intrada, Moscow, Russia, 30-39 (in Russ.).

- Barkan, L. (1986), *The Gods Made Flesh: Metamorphosis and the Pursuit of Paganism*, Yale University Press, New Haven and London, USA.
- Bersuire, P. (2023), *The Moralized Ovid*, Transl. by Coulson, F. T. and Haynes, J., in Coulson, F. T. and Haynes, J. (ed.), Harvard University Press, Cambridge, USA.
- Brumble, H. D. (1998), *Classical Myths and Legends in the Middle Ages and Renaissance: A Dictionary of Allegorical Meanings*, Greenwood Press, Westport, USA.
- Chance, J. (1990), "Introduction", in Chance, J. (ed.), *The Mythographic Art: Classical Fables and the Rise of the Vernacular in Early France and England*, University of Florida Press, Gainesville, USA, 3-44.
- Copeland, R. and Struck, P. T. (2010), "Introduction", in Copeland, R. and Struck, P. T. (ed.), *The Cambridge Companion to Allegory*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 1-11.
- Coulson, F. T. (2007), "Ovid's Transformation in Medieval France (ca. 1100-ca. 1350)", in Keith, A. and Rupp, S. (eds), *Metamorphosis: The Changing Face of Ovid in Medieval and Early Modern Europe*, Centre for Reformation and Renaissance Studies, Toronto, Canada, 33-60.
- Coulson, F. T. (ed.) (2015), *The Vulgate Commentary on Ovid's Metamorphoses. Book 1*, Medieval Institute Publications, Kalamazoo, USA.
- Dimmick, J. (2003), "Ovid in the Middle Ages: Authority and Poetry", in Hardie, P. (ed.), *The Cambridge Companion to Ovid*, Cambridge University Press, New York, USA, 264-287.
- Fumo, J. C. (2014), "Commentary and Collaboration in the Medieval Allegorical Tradition", in Miller, J. F. and Newlands, C. E. (eds), *A Handbook to the Reception to Ovid*, Wiley-Blackwell, Oxford, UK, 114-128.
- Gillespie, V. (2005), "From the Twelfth Century to c. 1450", in Minnis, A. and Jonson, I. (eds), *The Cambridge History of Literary Criticism, Vol. 2, The Middle Ages*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 145-238.
- Giovanni di Garlandia [John of Garland] (1933), *Integumenta Ovidii* [Ovid's Integuments], by Ghisalberti, F. (ed.), Casa Editrice Guiseppe Principato, Messina, Milano, Italy.
- Ghisalberti, F. (1932), "Arnolfo d'Orléans: Un cultore di Ovidio nel secolo XII", *Memorie del Reale istituto Lombardo di scienze e lettere. Classe di lettere, scienze morali e storiche*, 24 (4), 157-234 (in It.).
- Ghisalberti, F. (1933), "Giovanni del Virgilio: Espositore delle Metamorfosi", *Giornale dantesco*, 34 (4), 3-110 (in It.).
- Isidore of Seville (2006), *The Etymologies*, Transl. by Barney, S. A., Lewis, W. J., Beach, J. A. and Berghof, O., in Barney, S. A., Lewis, W. J., Beach, J. A., Berghof, O. (eds), Cambridge University Press, Cambridge, USA.
- Knox, P. E. (2009), "Commenting on Ovid", in Knox, P. E. (ed.), *A Companion to Ovid*, Wiley-Blackwell, Malden, USA, 327-340.
- McKinley, K. L. (1996), "The Medieval Commentary Tradition 1100-1500 on Metamorphoses 10", *Viator*, 27, 117-149, DOI: 10.1484/J.VIATOR.2.301124
- Ortiz Robles, M. (2016), *Literature and Animal Studies*, Routledge, Abingdon and New York, UK and USA.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Кислин Константин Борисович, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, институт экономики и управления, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Петербургское шоссе, д. 2, г. Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196601, Россия; kislin_k_rel@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Konstantin B. Kislin, PhD in Philosophy, Senior Lecturer, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Institute of Economics and Management, Saint Petersburg State Agrarian University, 2 Peterburgskoe Rd., Saint Petersburg, Pushkin, 196601, Russia; kislin_k_rel@mail.ru